

— Эта барышня поистине хороша собой, — Цин Лань Дуи рассмеялась, извлекая из своей расшитой золотом сумочки узкий свиток. — Ты так спешно ушла, что я даже не успела спросить: как тебя зовут?

Хуа Сэ невольно усмехнулась. Когда она впервые встретилась с Цин Гэ, та осыпала её точно такими же комплиментами. Похоже, это была семейная черта — обожать расточать похвалы.

— Благодарю, Дуи. Меня зовут Хуа Сэ.

— О, Хуа Сэ, — Цин Лань с улыбкой взяла её за руку. — И как же я не знала, что Гэ-эр стала настолько расточительна, что завела себе алхимика в качестве личной прислужницы?

Словно сорвали покров с постыдной тайны, лицо Хуа Сэ вмиг стало мертвенно-бледным. Она пошатнулась, отступая назад, и едва не опрокинула стопку книг, которую выстроила Цин Гэ. В этот момент подала голос юная Шао цзюньхоу:

— Я знала.

Она приподняла изящные брови и слегка улыбнулась ошеломленной Хуа Сэ:

— Я знала с самого начала.

Как бы своенравна она ни была, она не могла позволить себе держать рядом человека, чье прошлое остается загадкой. С первого же взгляда, благодаря своей проницательности и острому чутью, она поняла: подавленность Хуа Сэ была лишь последствием работы с зельем сна. На следующий день, наведя справки о трех поколениях предков девушки, она взяла её под свою защиту — в той властной, не терпящей возражений манере, которая была ей свойственна.

— Хуа Сэ, приготовь-ка нам чаю.

Когда Хуа Сэ, все еще выглядящая так, будто только что избежала гибели, вышла из комнаты, Цин Лань медленно развернула свиток. На белоснежной, словно свежевыпавший снег, бумаге красовалась точная копия брачного контракта с Таскэ, который Цин Гэ собственноручно разорвала при поступлении в Академию три года назад. Разница была лишь в том, что имя жениха оставалось пустым.

— Я слышала о твоих делах с Марсом Шао цзюньхоу.

Цин Гэ на мгновение отбросила аристократическую сдержанность и тихо выругалась:

— Только не говорите, что пришли уговаривать меня пойти на мировую.

— Конечно, нет, — Цин Лань с нежностью и утешением погладила её по худым плечам. — Как бы ни плелись интриги и ни сталкивались амбиции, ты — моя дочь, рожденная мною. Кровь не водица... Я пришла лишь для того, чтобы отдать тебе это.

Она раскрыла свою полноватую белую ладонь, и на ней безмолвно замер изумрудный перстень. Пройдя через хаос распрей и горнило войн, этот символ власти и статуса главной госпожи клана Цин остался невредим, пройдя через руки десятков владелиц, чтобы оказаться у нынешней Шао цзюньхоу. Цин Гэ поднесла его к свету, рассматривая, как внутри камня переливается вода. Убедившись, что это не подделка, она с подозрением посмотрела на женщину:

— Говорите прямо, чего вы хотите. Эти ваши загадки заставляют меня нервничать.

— Я передаю право выбора тебе, — Цин Лань опустила свиток и поднялась. — Я изначально не одобряла идею этого брачного союза, но видела, что вы ладите, поэтому позволила им настоять на своем.

Шао цзюньхоу клана Цин и так лишена многих свобод. Пусть хотя бы в вопросах брака и любви ты будешь вольна поступать по-своему, — Цин Лань Дуи толкнула дверь. Её лунно-белое одеяние волочилось по полу, а изысканный темно-синий вышитый дракон казался живым, угрожающе раскинув когти. — Но помни одно, Цин Гэ.

— Когда соберешься отдать этот перстень, обязательно посмотри человеку в глаза.

Тот разговор не закончился легко и приятно — даже несмотря на добрую весть. Атмосфера материнской заботы и сыновней почтительности была разбита фразой Цин Гэ: Это ваш опыт из личной жизни? У Цин Гэ всегда было два таланта: заставить людей полюбить себя за секунду или же довести их до того, чтобы они захотели задушить её на месте.

Получив пустой брачный контракт и изумрудный перстень, Цин Гэ бережно убрала их в прикроватную тумбочку, положив на самое дно, под контракт с Хуа Сэ.

Много лет спустя, когда Цин Гэ оказалась в заточении, в полумраке темницы ничего нельзя было разобрать — слышался лишь звон капель воды да шорох неведомых существ. Поскольку она была опасным противником, Святым Магом вражеской империи, никто не рисковал проявлять беспечность: тяжелые кандалы сковывали её руки и ноги, а жесткая смирительная рубашка не давала дышать. В этот момент кто-то толкнул дверь. Опушенный капюшон скрывал половину лица, серебристые пряди волос падали на плечи. Пришедшая протянула руку, касаясь израненного лица Цин Гэ, и из её глаз, подобных аметистам, покатались слезы. Она сдавленно спросила, почему же та была так глупа.

Верный друг, неужели только ты пришла? — в полузабытьи подумала Цин Гэ. Оказывается, всё с самого начала было лишь сетью, всё было ошибкой — лицемерной, абсурдной, но при этом пугающе логичной. Она и её отец, кружась в этом танце десятилетиями, в конечном счете не смогли вырваться из круга, не смогли разорвать этот фатальный узел.

Причина была заложена десять лет назад, но кому теперь пожинать горькие плоды?

— Сегодня мы изучаем десять незыблемых законов магии, — курс заклинаний был единственным, где теория сочеталась с практикой, и охватывал все пять лет обучения. Лектор, как всегда, был первым магом Императорской академии, Голин. — Первый закон: Разумность существования.

— Магия не может создать или уничтожить что-либо из ничего. Вы можете лишь видоизменять, перемещать, расщеплять или скрывать то, что уже есть, но никогда не сможете обратить это в ничто. Поэтому мы называем это Разумность существования.

— Кто может привести пример, используя то, что есть под рукой? — Голин небрежно указал на студентку. — Сюзан Спейд, прошу.

Девушка с каштановыми волосами, уложенными в римские локоны, спокойно поднялась. В каждом её движении сквозило благородство знатного рода.

— Разумность существования означает, что мы можем воздействовать лишь на то, что уже существует в мире. Мы можем изменять его форму, — её тонкая палочка из орехового дерева с изысканным узором и пером павлина на конце легко коснулась чашки на столе, и та превратилась в букет нераскрывшихся гипсофил. — Или перемещать, — легкий взмах палочки, и букет оказался у неё в руках. — Расщеплять... — глухой звук, и изящный букет рассыпался в мелкую керамическую крошку, которая тут же исчезла. — Или скрывать.

— Но никогда не сможем уничтожить, — договорила она. Как только прозвучали эти слова, остатки чашки возникли из воздуха обратно на столе. Сюзан легко перевернула палочку в пальцах. — У меня всё.

— Отлично, — одобрительно кивнул профессор Голин. — Исходя из этого закона, мы делим типы заклинаний на...

Передняя и задняя двери аудитории одновременно скрипнули. Кайсар вошел через переднюю, извинился перед студентами и сказал профессору:

— Наставник, Академия объявила экстренное задание, прошу вас взглянуть.

Профессор Голин вскинул брови и с иронией обратился к задней двери, которая приоткрылась лишь на щелочку:

— А это еще что за опоздавший малыш? Настолько испугался, что не решился войти через главную дверь? — Он рассмеялся, а затем дал задание: — Переходим к самостоятельной работе. Подготовьтесь ко второму закону и продемонстрируйте соответствующие заклинания. На следующем занятии проведу проверку, оценка пойдет в зачет годового экзамена.

Под общий стон он вышел вслед за Кайсаром, и их шаги затихли в коридоре.

Сюзан на этом занятии сидела рядом с Цин Гэ. Наконец-то оказавшись рядом с Шао цзюньхоу, которой она восхищалась, девушка выложились на все сто, а после, из-за смущения и радости, её лицо окрасилось в розовый цвет. Обернувшись, чтобы посмотреть, кто вошел через заднюю дверь, она изменилась в лице:

— Кажется, это тот самый...

— О? — Цин Гэ равнодушно перевернула страницу книги. — Кто?

— Тот парень, который с самого начала обучения прогуливает занятия, пользуясь тем, что он маг второй ступени. Я узнала его мантию. — Сюзан причмокнула губами и хотела было втянуть Цин Гэ в обсуждение сплетен, но сделала это слишком резко, и её кудрявые пряди хлестнули Цин Гэ по щеке. — Ох, Шао цзюньхоу! Простите, я не нарочно...

Цин Гэ мягко похлопала Сюзан по руке, прерывая извинения: она не собиралась слушать, как испуганная до смерти девушка будет извиняться весь день.

— Вторая ступень? Это неплохо. Но если он надеется освоить всё в одиночку, это не сравнится с обменом опытом и обучением у других... Такое поведение граничит с высокомерием и, честно говоря, неуместно.

Сюзан закусила губу и смущенно улынулась:

— Только вы, с вашей широтой души, можете так сказать. Его пренебрежение правилами доставляет нам немало хлопот!

Она хотела добавить что-то еще, но в этот момент черноволосый юноша, словно услышав их, резко поднял голову. Его кристально-голубые глаза с вызывающим прищуром встретились с их взглядами, а на тонких губах заиграла дерзкая усмешка.

В отличие от Хуа Сэ, которая лишь молча расширила глаза, переводя взгляд с него на Цин Гэ, реакция Сюзан была куда более бурной. Она судорожно вздохнула:

— Шао цзюньхоу... мне кажется... мне кажется...

Выражение лица Цин Гэ стало холодным, как лед:

— И что же тебе кажется?

В этом вопросе сквозило столько гнева, что Сюзан вздрогнула. Но любопытство взяло верх. Они были так похожи — этот неизвестный маг стихии дерева и Шао цзюньхоу. Такое сходство в разрезе глаз, в идеальной форме тонких губ, в изящных чертах лица... Такое сходство могло быть только у кровных родственников. Неудивительно, что Цин Гэ пришла в ярость — в её глазах бушевал темный шторм.

Многие в классе тоже заметили поразительное сходство между двумя самыми яркими личностями в аудитории:

— Это кто-то из клана Цин?

— Или из Люйе... Разве Цин Лань Дуи не из Люйе?

— Посмотрите на этот посох из кости дракона!

— Это точно посох из кости дракона... Наверное, из клана Цин?

Лицо Сюзан помрачнело:

— Шао цзюньхоу, посмотрите...

— Пусть говорят, — холодно бросила Цин Гэ, хотя её взгляд, острый, как стальной клинок, прошелся по всем шепчущимся в классе. Если бы этот взгляд мог причинять физическую боль, все они уже лежали бы в лужах крови.

— Ну, Таскэ... — Цин Гэ смаковала это имя. В её глазах плясали тысячи клинков, но голос был мягким и сладким, словно она шептала любовнику нежные слова. Холодные, пробирающие до костей слова:

— Признаться, я впечатлена!

— Пришелец, могу я узнать твое имя? — Цин Гэ дождалась звонка, подошла к юноше и посмотрела на него сверху вниз.

Тот наклонил голову, и в его голосе прозвучали сложные нотки:

— Шао цзюньхоу, у вас слишком короткая память. Я — Люйе Хунъин.

Хунъин. Цин Гэ запомнила это имя. Она решила, что по возвращении немедленно отправит запрос в свою разведывательную сеть, чтобы узнать, кто этот молодой господин из скрытного рода Люйе. Но судьба не дала ей и трех минут покоя. Люйе Хунъин резко выставил посох из

кости дракона, и его острый, подернутый зеленоватым светом наконечник преградил ей путь:

— Шао цзюньхоу, могу ли я, как ваш сокурсник, попросить вас о наставничестве?

Цин Гэ замерла, а затем медленно улыбнулась. В её зеленых глазах, казалось, простирались бескрайние ледяные равнины:

— Вторая ступень? Не слишком ли много чести?

Бросив это, она развернулась и ушла. Хуа Сэ поспешно поклонилась ошарашенному юноше и, обхватив книги, засемила следом. Со стороны казалось, что в их фигурах есть какая-то странная гармония.

Погода стояла чудесная. Золотистые лучи пробивались сквозь листву, расчерчивая страницы книг пятнами света. Небо сияло чистотой, по нему лениво плыли легкие облака. Цин Гэ поморщилась, и Хуа Сэ поспешно задернула белые шторы. Юная Шао цзюньхоу замерла, а затем улыбнулась, выводя пером из темного серебра изящный завиток на бумаге.

Она высчитывала формулы для упражнений по второму закону: Равноценный обмен. Суть его была проста: хочешь что-то получить — отдай нечто равноценное. Все в мире подчиняется этому правилу. Чтобы колдовать, нужно знать свой уровень маны и рассчитывать эффект. Минимальные затраты ради максимальной выгоды — вот цель этих расчетов.

Пока Хуа Сэ готовила послеобеденный чай, в окно постучали. Стоило ей приоткрыть створку, как внутрь влетел белый голубь. Он гордо протянул лапку, к которой был привязан изящный бамбуковый тубус.

Хуа Сэ впустила птицу, коснулась золотой ленточки на её шее и улыбнулась:

— Шао цзюньхоу, это письмо для вас? Какой красивый голубь.

Цин Гэ взяла записку. На нежно-фиолетовой бумаге виднелись изысканные узоры:

— О, это Кайсар.

Ну и пижон этот будущий лорд Золотых земель, — подумала она.

Записка была личной. Золотистыми чернилами на ней было написано лишь одно: Через три дня у меня состоится бал, буду рад видеть вас, госпожа Цин.

Шао цзюньхоу клана Цин выросла в уединении. О ней ходили слухи как о талантливом маге с

холодным нравом и невероятной красотой, унаследованной от матери. Старейшины клана десять лет держали её в своих владениях, и поступление в Академию стало её первым шагом в светское общество. Аристократы Империи уже давно ждали её появления.

С другой стороны, это приглашение было не просто жестом вежливости, а попыткой Кайсара жестко закрепить её в своем союзе.

Цин Гэ была в замешательстве. Её учили правилам этикета, и она не могла принять это письмо. Они не друзья, не родственники — малознакомые люди. Прийти на бал по такой записке? Для неё, привыкшей к строгому соблюдению правил, это было невыносимо.

На следующее утро, когда она раздумывала, как вежливо отказать, пришло второе приглашение. На такой же фиолетовой бумаге, но уже черными официальными чернилами было выписано её полное имя и титул, указано время и место, а внизу стояла размашистая подпись Кайсара.

Значит, первое письмо не было ошибкой — это был сознательный вызов. Цин Гэ вложила приглашение в учебник, а затем, как ни в чем не бывало, переложила идеально поджаренное яйцо в тарелку Хуа Сэ:

— Ешь быстрее, пора на занятия.

Хуа Сэ, довольная, кивнула.

Судьба дочерей аристократов Империи Османов была предрешена: либо стать подарком для влиятельных особ, либо инструментом для выгодного брачного союза.

Двадцать лет назад брак Цин Лань был актом личной воли, но этот бунт закончился крахом. Теперь же Цин Лань, возглавив клан, сама вручила перстень своей дочери, тем самым приведя в ярость старейшин и разрушив планы тех, кто мечтал породниться с кланом Цин.

Цин Гэ понимала, в каком положении оказалась. Её с детства учили не скромности, а силе. Когда учитель говорил ей о смирении, Цин Лань, постучав в дверь, усмехнулась: Моей дочери это не нужно. Если Шао цзюньхоу клана Цин не может жить свободно, то зачем мне, Дуи и главе клана, вообще существовать?

С тех пор Цин Гэ принимала похвалы как должное. Получив приглашение, она лишь поправила свои рыжие волосы и искренне пожаловалась Сюзан:

— В столице нынче дефицит талантов. На бал придут одни неудачники. Кто бы пошел туда, если бы не Кайсар?